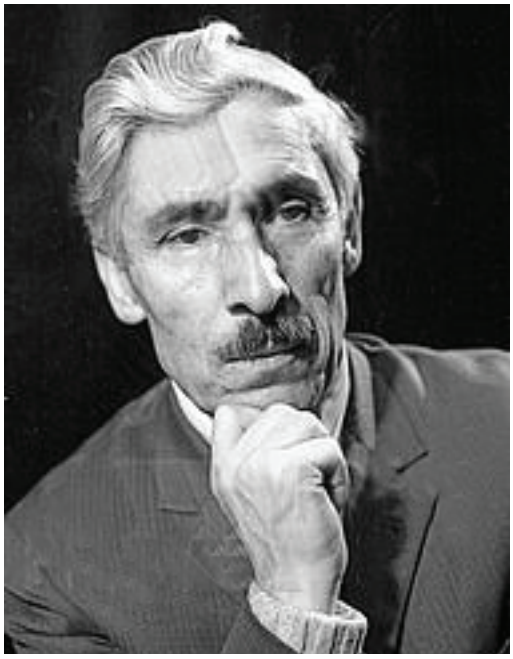


НАФИ ДЖУСОЙТЫ – 100 ЛЕТ

Предисловие

Роман-дилогия «Слезы Сырдона» (1978, 2004) занимает в творчестве Нафи Джусойты особое место. И по значительности поднимаемых в нем вопросов, и по жанровой форме и материалу: это был первый роман-миф в осетинской литературе (в 1988 г. вышел в печати роман Михаила Булкаты «Седьмое путешествие нарта Сослана», а в 2005-м – роман Сергея Хугаева «Нарт Фарнаг»).

Мы уже говорили в свое время, что нартовский мир и прежде всего система персонажей народного эпоса в этом произведении подвергаются глубокой переработке. Теперь добавим к этому, что вектор указанной творческой переработки можно обозначить словами Евангелия: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф 19:27–30). Такова была воля автора как творца нового, посмертного бытия нартовских героев – бытия литературного, пришедшего на смену устной эпической традиции, – чтобы Сырдон, в народном эпосе последний из нартов, «плут» и «злой гений», неудачник и юродивый – и самый одинокий во всем нартовском племени, – стал в романе первым среди сородичей.

Роман по определению не мог быть воспринят однозначно – как в профессиональной среде, так и широкой читательской аудиторией. Но при этом не обошлось и без организованных «акций». «После того, как была опубликована первая часть романа "Слезы Сырдона", – вспоминает Батрадз Харебов, – против Нафи развернулась целая кампания. Трудно сказать, кто был ее организатором, но без одобрения свыше она не смогла бы принять такие масштабы. Появились газетные статьи критического содержания, посыпались коллективные письма от трудящихся, «рабочих предприятий», «тружеников сельского хозяйства», «квайсинских шахтеров» и прочих объединений с «кипящим возмущенным разумом». Было видно, что никто из этих «правдолюбов» роман не читал, но тем не менее требовал от автора покаяния, отречения и прилюдного извинения за свои ошибки. Нафи обвиняли в том, что он посмел назвать нартских героев хищниками – "тугхорами"». Важно заметить, что, когда через 26 лет уже издательством «Ир» были выпущены в свет обе части романа одной книгой, «уже никто, – говорит Батрадз Харебов, – не возмущался и не писал "открытых писем", хотя характер и суть повествования нисколько не изменились» (Харебов Б.К. Вспоминая Нафи: К 100-летию со дня рождения Нафи Джусойты // Республика, 27.02.2025).

Мы говорим: «воля автора», – и имеем на это право. Но только, разумеется, до тех пор, пока строго различаем волю и произвол. Произвол в творчестве недопустим и контрпродуктивен; произвол не создает ни сюжета, ни образа, а только разрушает их. В чем неправомерна интерпретация Нафи? Неужели он в чем-нибудь погрешил против художественной истины, в латентном виде пребывающей в самом народном эпосе? Не Сырдон ли изобрел двенадцатиструнный фандыр – святыню нартовского народа, не собрал ли он его из костей и жил своих сыновей, жестоко убитых сородичами, и не о фандыре ли сказали нарты: «Разве можем мы оттолкнуть человека, который принес нам в дар такое сокровище?.. Если даже всем нам суждена погибель, навеки останется жить фандыр. Он расскажет о нас, и кто заиграет на нем, тот вспомнит о нас и тот станет нашим навсегда»?

Именно образ Сырдона – в первую очередь сюжет, связанный с возникновением фандыра, – позволяет нам утверждать, вслед за Васо Абаевым, что «создатели Нартовского эпоса тоже были поэты» (Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды. – Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. Религия, фольклор, литература. С. 222) и глубоко понимали диалектику искусства.

Ницше в свое время констатировал и обосновал акт «рождения трагедии из духа музыки» (Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: в 2-х т. – М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 116–117). Но нашему сердцу гораздо более внятна прямо противоположная идея, которая именно содержится в кадаге о появлении фандыра: «Музыка рождается из трагедии, – говорит В.И. Абаев, – такова, по-видимому, мысль, вложенная в этот замечательный эпизод» (Абаев. В.И. Указ. соч. С. 197–198).

Да, под трагедией Ницше подразумевал прежде всего род и жанр литературы, и, как минимум, поэтому его формула ограничена и не бесспорна, как показала современная ему критика. А формула нартовской идеи захватывает нас без остатка глубиной и жизненностью: высокое искусство рождается из жизненной трагедии. Трагедия наших мухаджиров дала первого осетинского поэта – Темирболата Мамсурова. Трагедия осетинской горской бедноты дала «Ирон фандыр» Коста Хетагурова. Из трагедии нарта Сырдона, подобно его слезам, родился и роман Нафи Джусойты.

В Нартовском эпосе нет сюжета столь же яркого и содержательного, как сюжет о возникновении фандыра; нет конфликта столь же острого и напряженного, как конфликт между Сырдоном и другими нартами, нет героя столь же интересного и богатого разного рода провокациями к творческому мышлению, чем Сырдон. В.И. Абаев указывал, что это образ беспримерный в «смысле психологической и бытовой жизненности», что Сырдон, «каким мы видим его в сказаниях, относится к самым ярким, художественно цельным фигурам эпоса» (Там же).

В самом деле, это фигура уникальная и, действительно, зримо самобытная и самостоятельная; все другие нартовские персонажи чем-нибудь похожи один на другого и чем-нибудь дублируют друг друга, а место Сырдона принадлежит лишь ему одному, как место Шатаны принадлежит ей одной. Сырдон – это антигерой героического эпоса и подлинно культурный герой. Ни в одном из других нартовских характеров нет таких благодатных предпосылок для драматической и трагической типизации. Если бы Нафи не написал этот роман, то рано ли, поздно ли его написал бы кто-нибудь другой: вот насколько прочно идейно-эстетическое основание «Слез Сырдона».

Что касается критики романа, то надо отметить, что она зиждилась не на филологических критериях, а на псевдо-патриотических и культурно-охранительных соображениях. Предвидя ее, Нафи предпослал изданию первой книги романа (Цхинвал, 1979) следующее краткое вступление («ныстуан»):

«Того, кто возьмет в руки эту книгу, я прошу об одном: пусть он не скажет, что и сам достаточно осведомлен о нартовских историях, что ему недосуг, да и неохота слушать других. Если, рассудив таким образом, он отвернется от этой книги, то мне останется заметить, что его скорый суд был несправедлив. Я вовсе не собираюсь пересказывать расхожие нартовские истории. Не для того я предпринял такой дальний путь в Страну нартов.

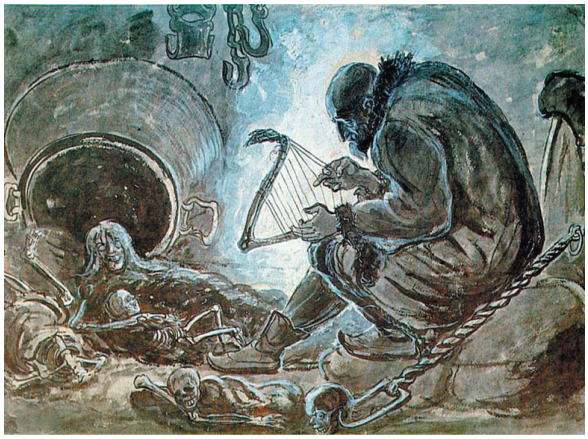
Я верю, что нет ни одного осетина, который не слышал бы с детства о делах нартов. Но я не то что слышал – я в своих мыслях жил среди них, и я до конца своих дней обречен вспоминать их мир. Вот почему я решаюсь о нем рассказать. Кто-нибудь скажет: "Лживые речи, плод вымысла, буйной фантазии! Нартовский мир – лукавое порождение сказки, праздное развлечение для души и ничего больше! В нем нет никаких признаков действительной жизни. Единственная действительность – это наш мир и наш век, а действительный народ – мы сами, – и еще наши предки и наши потомки".

Возможно, они будут по-своему правы, но для меня нарты всегда были живыми. Их радостями и их скорбями, их добродетелью и их греховностью исполнено мое сердце, и я хочу исповедаться в том, что я увидел в их стране, и в том, как я понял ее. Может быть, моему читателю она уже не покажется вымыслом, необитаемой землей; может быть, он тоже увидит в нем мир, цветущий полнокровной жизнью.

Послушай, добрый человек, эту повесть сердцем своим. Как знать, возможно, ты скажешь, перевернув последнюю страницу: "Да, так оно, верно, и было; не могло быть иначе; это не сказки, а настоящая жизнь". Если же случится иначе, это будет либо моя вина – плохой из меня сказитель, либо – твоя: глуховато сердце твое» (Перевод с осетинского наш. – ***И.Х.****).*

Особого внимания заслуживает посвящение романа: «Ацы чиныгæй арын, сагмæ кæрдæджы цъупп хæссæгау, Абайты Вассойы ном» – «Как человек подносит пучок травы [могучему] оленю, так я посвящаю эту книгу светлой памяти Васо Абаева» (Перевод с осетинского наш. – ***И.Х.****).*

Ирлан Хугаев



Нафи ДЖУСОЙТЫ

СЛЕЗЫ СЫРДОНА

(Отрывок из романа)

(Перевод Риммы Сотиевой)

<…> Увидев, что двери его дома распахнуты настежь, Сырдон застыл в предчувствии беды. Хотел кликнуть сыновей по именам, но не смог, а позвать Зарину – нельзя по этикету, и, оглохший от волнения, он шагнул на порог. Видит: лежат изрубленные на куски тела его детей, словно кусарт[1], чуть дальше – упав лицом в хлебное корыто, лежит Зарина, руки ее в тесте, тесто в корыте – все в крови…

Свет померк для Сырдона, ноги его подкосились, он схватился за дверной косяк, но руки не удержали его, и он упал лицом вниз; простер еще руки к своим кровиночкам, но не смог дотянуться, так и остался лежать распростертый на глиняном полу.

<…> Люди посидели за поминальным столом, глубоко сочувствуя горю Сырдона, и разошлись по домам. Сырдон остался один в своем опустевшем жилище. И теперь еще острей почувствовал он свое горькое горе и жгучее одиночество. Страшная утрата ждала отмщенья, но боль одиночества немного смягчала забота о Фатакуй. Собака была сильно изранена, и Сырдон стал ухаживать за ней как за своим дитятей: она одна осталась у него на всем белом свете. Каждый день, утром и вечером, Сырдон осматривал ее раны, смазывал мазью, накладывал повязку; кормил ее пищей, какою питался сам; вместе с нею ходил на кладбище, к Глиняному кургану, и там они вдвоем плакали над скорбной могилой дорогих им покойников.

Через три недели Фатакуй поднялась на ноги, только хвост остался коротким, и теперь Сырдон иногда называл ее Куцехвостой. Чуть утишилась и душевная боль Сырдона, но зато стала крепнуть мысль о мести за погибшую семью.

<…> Днем еще было терпимо, но ночами, когда он оставался один, сидя возле очага, рядом с Фатакуй, перед глазами вставала картина гибели его семьи...

Вот там, где корыто, Зарина от тяжелых ударов меча рухнула прямо на тесто, не успев, может, даже слова сказать... Малые детки в страхе кинулись друг к другу, и он[2] мелко их изрубил... Никого не оказалось рядом, и что могла сделать Фатакуй одна?..

Сырдон поднял Фатакуй на руки и стал обнимать. В такие минуты Фатакуй знает, что хозяин плачет, и она тоже загрустила, еще немного, и завоет в голос. И действительно, под конец из собачьей груди вырывается сдавленный жалобный скулеж... Сырдон опешил: и мне бы вот так завыть, завыть, как одинокий, покинутый стаей волк! Нет, от людей неудобно, скажут: «сошел с ума...»

Вой одинокого волка! Эти слова пришлись Сырдону по душе, будто придумал название песни… Вой одинокого волка... Представилась ему душераздирающая картина: волк остался один, убили всех его волчат, их мать-волчицу и всю-всю стаю. Всех. Остался только он – осколок жуткого побоища... Искусанный и израненный... Если встретится где-нибудь с другой волчьей стаей или сворой кровожадных собак, смерть настигнет и его... И хотеть-то ему больше ничего не хочется, только бы встретить свою смерть в битве, – не подохнуть от множества ран где-нибудь под кустом, в сугробе. И воет, плачет, причитает одинокий волк, последний волк... Плач одинокого волка!..

Тот плач звучит в глубине души Сырдона, но как выразить его голосом?.. Может, попробовать воспроизвести эту боль игрой на фандыре? Он первый раз вспомнил о своем фандыре. Давно не брал его в руки. Раньше, бывало, наигрывал на нем для Хурафарна, а как сын ушел[3], с этих пор не прикасался к нему…

Сырдон вскочил и снял со стены фандыр со смычком. Сел опять в свое резное кресло, приладил чашу фандыра меж колен, настроил струны и провел по ним смычком. Заскулили, затосковали струны фандыра. Давно не были смазаны. «Где же кусок воска?» Поискал Сырдон взглядом и нашел, провел куском воска по струнам и тетиве смычка. Поправил гриф фандыра и снова попробовал…

Стал извлекать из фандыра волчий стон. Тихо-

---

[1] *Кусарт – заколотое для трапезы и расчлененное на части животное. (Здесь и далее прим. наши. – **И.Х.**)*

[2] *Нарт Хамыц, брат Урузмага.*

[3] *Хурафарн – первенец Сырдона, коварно убитый нартом Сосланом.*

тихо, не спеша, сбиваясь все реже, стали оживать скорбные звуки, волчий плач, безысходное Сырдона стенание.

Играет Сырдон на струнном фандыре, Фатакуй слушает – и плачет. Плачет себе, уставившись на языки пламени. Лица Сырдона ей не видно, но по волчьему завыванью чувствует: хозяин тоже плачет... Плач идет то охрипшим от слез низким голосом, то убыстряется, будто причитание плакальщицы <…> и переходит в речитатив, а затем жалобы сдавленного голоса раздаются снова, становятся все звонче и выше и тянут все жилы сердца, – и тогда слезы Фатакуй льются градом, ей вспоминается отчаянный визг детей, когда снова и снова над ними заносился меч; они еще пытались прикрыть головы руками, но разве выдержать слабым ручонкам удары тяжелого меча… и головы раскалывались надвое...

Перед глазами Сырдона встает та же ужасная картина, и в глубине души его зреет песня-плач, песнь-причитание.

<…> Стонет сердце Сырдона и все же грезит в творимых им образах – о если бы ручки его мальчиков оказались булатными, если бы сумели до его прихода выдержать удары меча, то он, конечно, уберег бы их от этого чудовища, но где такое счастье, оно бывает только в мечтах человека... И еще горше рыдает сердце:

О если б, о если б, дети мои,
По благоволению святого Афсати[4]
был я ко всему готовым!

<…> Сиротой росла эта несчастная женщина, и что она видела в жизни?.. А ведь она среди своих ровесниц была как голубка среди птиц. И сердце Сырдона плачет и причитает по Зарине тоже:

О, ты, злосчастье – что за мной ходишь?
И голубка, как малый чижик,
камнем раздавлена...
Что же мне делать, о мир жестокий?
Стал одиноче я, чем ворон в лесу!

«И вправду, вправду, скажи, грешный мир, с чего ты вцепился в меня, пристал со своими невзгодами? Я же с рожденья ничего худого не совершал, даже на муравья не наступил ни разу, так откуда на меня столько бед? Что я такого совершил пред тобой, чтоб ты съел моих деток, мое сердце, силу мою, ум мой, мои мечты? Я ведь в жизни ничего еще не видел, за что же ты так беспощадно растерзал меня, как лавина весной?.. Ты иссушил мое сердце, ты лишил меня лета жизни! Так скажи, как мне быть теперь?!»

Мир молчит. Не отвечает Сырдону, и от этого он чувствует себя еще более несчастным, судьбой обойденным.

<…> Из чаши фандыра вырывается сдавленный стон, начинают тяжко вздыхать струны, дрожмя дрожит в отчаянии волос смычка, исторгая еще более скорбные звуки… И вновь и вновь перед затуманенным от слез взором встает: трое его кровиночек держат над головами полусогнутые в локтях руки, – пытаются белыми и слабыми, как тесто, ручонками защитить себя от острия меча и от смерти…

Эта картина так и отпечаталась перед его мысленным взором до самого смертного часа. Вспомнит, бывало, мелодию фандыра, вой одинокого волка, и неизменно перед ним вставало видение: согнутая голая детская рука застыла над головой, а сам он полными ужаса глазами смотрит на острие падающего меча – вот сейчас опрокинется на него отвесная скала и раздавит его...

В одну из таких горьких минут внезапно его озарило: эта мелодия должна звучать на другом инструменте, нужно создать новый фандыр!.. Новый, потрясающий, равный его непомерному горю.

И Сырдон, уйдя в себя, предался глубоким размышлениям: надумал струны навесить как бы на занесенную над головой детскую руку... Пусть низом фандыра послужат предплечье и ключичная кость. Плечевая ключина станет олицетворять испуганный лик ребенка... Навешенные на локтевую кость струны привязаны к низу фандыра. Но поскольку чаши уже не будет, струн должно быть больше, им надлежит быть мощнее, иначе плач-причитание останется неуслышанным...

Долго радовал Сырдона его новый замысел, но он знал, что это пока только желание сердца, что создать эту вещь труднее, возможно, ничего и не получится. Хотя попытаться нужно...

1977–1978

[4] *Афсати – в осетинской мифологии и эпосе – дух-покровитель охоты и диких (нехищных) зверей.*